

**Universität Hamburg
Institut für Finnougristik/Uralistik**

Евгений ХЕЛИМСКИЙ

**ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ КОМПОНЕНТ
В АВАРСКОМ КАГАНАТЕ
И СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ**

**Материалы к докладу
на XIII Международном съезде славистов
Любляна, 15-21 августа 2003**

Hamburg 2003

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ КОМПОНЕНТ В АВАРСКОМ КАГАНАТЕ И СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Вступительные замечания

Данный доклад опирается на результаты, изложенные автором в двух публикациях 2000 г., „On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla Inscription from Nagy-Szentmiklós (preliminary communication)“ (*Studia Etymologica Cracoviensia* 5: 43-56 и Хелимский 2000: 268-277; = ТМО) и „Язык(и) аваров: тунгусо-маньчжурский аспект“ (*Folia Orientalia* XXXVI: 135-148; = ЯА). Поскольку в рамках доклада не представляется возможным сколь-нибудь подробно изложить материал и аргументацию этих публикаций, они воспроизводятся в настоящей брошюре в качестве приложений. Первая из них посвящена прочтению известной „надписи Буйлы“ на блюде из золотого клада, хранящегося ныне в венском Kunsthistorisches Museum, как тунгусо-маньчжурского (раннеманьчжурского) текста, во второй наряду с общим обзором проблематики приводятся новые этимологии этнонима *авар* (*apar*), имени первого аварского кагана *Боян/Вапан* и слав. *бояр(е/ин)*.

С другой стороны, серию наблюдений и этимологических этюдов, связанных с интерпретацией доступного нам аварского (отчасти и жуань-жуаньского) языкового материала на тунгусо-маньчжурской основе, действительно – как это и предполагалось (ЯА 145) – удалось продолжить, так что теперь они в значительной мере покрывают скудный корпус аварских языковых данных, особенно относящихся к раннеаварскому периоду (до создания в конце VII в. Дунайской Болгарии и распространения тюрко-болгарского языкового влияния на Аварский каганат). Соответствующие результаты изложены ниже без воспроизведения тех данных и построений, которые повторяли бы содержание ТМО и ЯА, поскольку в целом концепция автора не претерпела за истекшие три (фактически четыре) года существенных изменений и в целом встретила если не прямую поддержку, то по крайней мере осторожное признание со стороны коллег-алтаистов.

Кроме того, вновь полученные данные, существенно усиливая базу аргументации, позволяют отдать решительное предпочтение тунгусо-маньчжурской версии происхождения языка ранних аваров в сравнении с предлагавшимися в прошлом и распространенными в литературе тюркской и монгольской версиями. После пересмотра

(и „радикализации“) в этом плане основные тезисы автора можно сформулировать следующим образом:

- Доминирующим языком Аварского каганата во второй половине VI в. или даже единственным языком его правителей был язык тунгусо-маньчжурской группы, который обнаруживает достаточную близость пратунгусо-маньчжурскому состоянию и одновременно специфическую близость более поздним маньчжурскому и чжурчжэньскому языкам.

- Начиная со второй половины VII в. и особенно после разгрома Аварского каганата франками на рубеже VIII/IX вв. язык ранних аваров все сильнее оттеснялся на второй и третий план „протоболгарским“ языком (языком дунайских или дунайско-паннонских болгар-тюрков) и славянским языком основной части населения каганата. Тем не менее, отдельные группы тунгусо-маньчжуроязычных аваров должны были сохраниться в степных регионах Подунавья до времени прихода в эти регионы оногуров-венгров (конец IX в.) и в дальнейшем влиться в состав венгерского этноса, оказав влияние на его язык (в частности, в сфере бытовой лексики и, возможно, топонимии, см. Futaky 2001).

- Лингвистические данные не противоречат идентификации европейских аваров (по данным некоторых византийских источников, „псевдоаваров“) с центральноазиатскими аварами = жуань-жуанями V-VI вв. и, соответственно, позволяют видеть в последних ранних тунгусо-маньчжуров (предшественников чжурчжэней и маньчжуров). То же может относиться, разумеется, к другим – более ранним – племенным образованиям, которые китайская традиция относит к группе дунху (ухуани, сяньби), см. Golden 1992, Janhunen 1996, Кычанов 1997. Дальнейшая разработка данного вопроса сопряжена с хорошо известными сложностями фонетической интерпретации жуаньжуаньских глосс, переданных китайской иероглификой.

- Терминология, в первую очередь социально-политическая, которая сложилась на востоке в государстве жуань-жуаней и была принесена на запад аварами, оказалась частично заимствованной их тюркскими современниками, а также монголами. В целом проблема контактных лексических взаимодействий между тремя группами алтайских языков нуждается в пересмотре с отказом от концепции, согласно которой в этих взаимодействиях тунгусо-маньчжуры всегда оставались пассивной, воспринимающей стороной (с наибольшей отчетливостью подобная концепция выражена в работе Doerfer 1985).

- Судя по всему, лексическое влияние тунгусо-маньчжурского языка аваров на славянский праязык было ограничено сферой социально-политической и, возможно, военной терминологии. В то же время те структурные характеристики славянского, которые рассматриваются как отражения тюркского языкового влияния (см. из работ последнего времени: Galton 1997, Stadnik 2002), заслуживают анализа в более широком алтайском контексте – с максимально полным учетом тунгусо-маньчжурских данных.

- Было бы, видимо, небесполезным вернуться к нерешенной проблеме языка сюнну и гуннов (точнее, центральноазиатского компонента в составе гуннов) с учетом

результатов, касающихся ранних аваров. К этому подталкивают как исторические данные (относительная „плавность“ перехода от гуннской эпохи к аварской в Паннонии) и аналогии, так и наличие определенных параллелей между предположительно гуннским и предположительно аварским языковым материалом, особенно в сфере антропонимии (Maenchen-Helfen 1997).

К этимологическому изучению языка аваров

Авар, авар: см. ЯА 139-142.

Вајан, Боян, бояр-: см. ЯА 142-145.

Qaγan, каган

Этот титул верховного правителя становится известным, а затем и общеизвестным в Европе (*χαγάνος, chaganus, saganus, sagan, хаганъ, каганъ*, см. Moravcsik II: 332-334) с появлением аваров; на востоке Евразии первыми – с 402 г. – носителями соответствующего титула (*кэхань, k'o-ḥan* в китайских источниках) были правители жуань-жуаней (Менгес 1979: 109, Ligeti 1986: 138-139, Кычанов 1997: 75-76). Таким образом, принадлежность слова языку ранних аваров сомнений не вызывает.

В исторически идентичных формах, без стяжения либо со стяжением, титул кагана/хана присутствует в тюркском и монгольском, начиная с наиболее древних памятников (см. наиболее полный обзор: Doerfer TMEN 3: 141-183, а также Менгес 1979: 107-111), однако не имеет сколь-нибудь надежной этимологии. Даже принятие распространенной (хотя и весьма спорной) китайской этимологии Г. Рамстедта (< кит. *кэ* ‘великий’ + *куан* ‘правитель, управляющий’; однако титул кагана передается в китайских источниках совершенно иначе, см. выше!) само по себе ничего не говорит об этноязыковой принадлежности первого носителя титула.

Представляется небезынтересным то обстоятельство, что тюркам и монголам слово известно только в качестве титула. Напротив, среди его тунгусо-маньчжурских соответствий, в большинстве своем представляющих монгольские заимствования (эвенк. *kaγankān*, маньчж. *хан* и т.д.), ТМС I: 358 упоминает и эвен. *qayǎn (qayǎna, kahán)* ‘старейший в роде; провидец, кудесник’, (охотск.) *kagan* ‘старик; здоровый, живучий’. Эти существенные отличия в семантическом отношении формы, бытующие в наиболее удаленном от тюрко-монгольского мира тунгусо-маньчжурском языке, могут указывать на древность или даже исконность т.-м. **kagan*, хотя и не проливают свет на дальнейшую этимологию.

Др.-рус. *коганъ* (СПИ: *коганя*, притяж. прил., род.пад.), наряду с *каганъ*, демонстрирует ту же особенность вокалической субституции при заимствовании, что и *Боянь, бояр-*.

***Апсих* и другие личные имена**

Менандр и Феофилакт Симокатта называют имя аварского военачальника и посланника конца VI в. – Ἀψίχ, Ἀψήχ; то же имя носит, впрочем, и гуннский (?) офицер на византийской службе (Moravcsik II: 82-83), а сходное имя Ἀψικάλ, Ἀψκαλ зафиксировано у одного или двух византийских военачальников готского или неясного происхождения уже в источниках ок. 493 г. и ок. 535 г. (Moravcsik II: 82, Maenchen-Helfen 1997: 274, 286). В литературе упоминаются возможности этимологизации как на иранской (алан. *apsa ‘лошадь’), так и на тюркской (*Abs Xγ ~ *Avs Xγ ‘подобный, подобающий охоте’) основе (Maenchen-Helfen 1997: 286, Haussig 1953-1954: 361). Однако и подбор приемлемого тунгусо-маньчжурского этимона не составляет большого труда, ср., например, маньчж. *absa-*, *absi-* ‘худеть, чахнуть’ (ТМС 1: 7) в комбинации с одним из продуктивных суффиксов отлагольных *nomina agentis* *-ki* или *-ku* (Аврурин 2000: 65, 62) или маньчж. *asiqan*, *asiqa*, *asiqon* ‘маленький, молоденький, отрок, юноша’ (*-bs-* на месте *-s-* в данной основе представлено в диалекте сибэ: *absaka*, *absika* ‘несколько менее’; см. ТМС 1: 56).

Так же или почти так же обстоит дело со всем немногочисленным набором имен аваров (или возможных аваров), засвидетельствованных – с неизбежными искажениями – в византийских и франкских источниках: Ἐρμίτζις, Κανδίχ, Κουνίμων, Κόχ / Κώχ, Σαμούρ, Σόλαχος, Ταργίτης / Ταργίτιος / *Tergazis*, *Canisauci* (Moravcsik II: 360, Golden 1992: 110). Уровень их традиционной этимологизации на тюркской основе весьма невысок; так, имя аварского посланника (ок. 585) у Феофилакта и Менандра Κόχ / Κώχ признается тюркским, ибо соответствует-де тюрк. *kök* ‘голубой’ либо (!) *qoq* ‘пыль, пепел’; при отсутствии дополнительных признаков или данных (семантика, регулярно повторяющиеся компоненты) такой подбор этимонов – на тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской или любой иной языковой основе – заведомо обречен на сомнительный успех.

Вооколаβράς

Феофилакт (1.8) не только подробно излагает эпизод с участием данного персонажа ранней аварской истории (ок. 582), но и сообщает греческий перевод его имени или прозвища (ἑπωνυμία): ‘маг, жрец’ (μάγος, ἱερεὺς); см. Pohl 1988: 82-85..

Весьма распространены толкования данного имени как тюркского (Moravcsik II: 95 с литературой, Pohl 1988: 407); в них присутствуют в тех или иных комбинациях булг.-тюрк. *qolabur = тюрк. *qulayuz*, *qulawuz* ‘проводник, гид’ (см. также титул *κολόβρος*, *κουλούβρος*, *βογοτόρ βοηλὰ κουλούβρος* в протоболгарских надписях IX в., см. Pritsak 1955: 41, 46, Moravcsik II: 162), тюрк. *bäg*, *bej* ‘вождь, господин’ (< *bag?) либо тюрк. *bükü*, *bügü*, монг. *böge* ‘волшебник, волшебство’; впрочем, имеется и версия с разложением *βοοκολαβράς* на монг. *boγul* ‘слуга’ и тюрк. *arba-* ‘колдовать’ (Parzymies 1994: 97 ff.). Ни одну из версий нельзя признать достоверной. В частности, отсутствие внутренней этимологии и значительные фонетические колебания в облике тюрк.

qulayuz, qulawuz указывают, по-видимому, на неисконность слова (ЭСТЯ V/2: 123-124) и затрудняют тем самым идентификацию общетюркской и болгарской форм.

Не менее вероятен и вполне точно соответствует переводу у Феофилакта тунгусо-маньчжурский источник типа **buya-qola.bu.ra* (> *boo-qolab(u)ra*) ‘призванный небом/духами’, ср. **buya* (эвенк. *buya, buwa, bua, bā* ‘мир, вселенная; местность, страна, земля; небо; погода; бог, дух’, орок. *bō* id., чжурчж. *pūh-’á-i* ‘место, область’, маньчж. *ba* id.); эти слова употребительны во всевозможных контекстах, связанных с миром духов и деятельностью шаманов, см. ТМС I: 100-101), маньчж. *χula-, χola-* ‘звать, призывать; взывать, провозглашать’ (< **qula-, *qola-*? За пределами маньчжурского языка данная основа практически неизвестна, см. ТМС I: 469), и общетунгусо-маньчжурские суффиксы **-bu-* (пассив), **-ra* (прич.). Если подобное описательное обозначение шамана и не засвидетельствовано непосредственно, то оно, во всяком случае, полностью соответствует фундаментальным для тунгусо-маньчжуров и других сибирских народов представлениям о шаманском избранничестве.

Хоругвь, horegy

Детальное исследование по поводу происхождения ст.-слав. *horegy (horegyv)* ‘σκηπτρον’ (Супр., см. СтСлСл 763), рус. *хоругвь* ‘церковное знамя’ (известно большинству старолитературных и ряду современных славянских языков в значениях ‘хоругвь, знамя, флаг, стяг; [реже или эпизодически] скипетр, жезл; знак; флюгер; парус; воинский отряд; племя, колено’, см. ЭССЯ 8: 81-82) принадлежит К. Г. Менгесу (1979: 157-166), который придавал ему значение решающего аргумента в подтверждение своей теории монгольского происхождения европейских аваров. Источником слова, согласно Менгесу (развившему идею П. М. Мелиоранского), послужило монг. *oroŋŋa* < **horoŋŋa* ‘знамя’ (откуда и др.-тюрк. *oruŋŋi* id., *orunguluŋ* ‘несущий, имеющий знамя’), а фиксация славянского слова задолго до монгольской эпохи оставляет единственную возможность объяснения – заимствование из (монгольского) языка аваров. При этом само монг. *oroŋŋa*, в котором предполагаемое **h-* (> слав. *h-*) не засвидетельствовано, объясняется как однокоренное с письм.-монг. *orči-* (ср.-монг. *horči-*) ‘поворачиваться кругом’, *orija-* ‘завертывать, мотать; вертеться’ и т.д. („табуистическое описание знамени по его свойству извиваться, струиться, крутиться на ветру“).

Представляется, что источник славянского слова действительно аварский, но не монгольский, а тунгусо-маньчжурский (раннеманьчжурский); к нему же (точнее, к его жуань-жуаньскому корреляту) восходят, несомненно, монгольская и тюркская формы. Ср. маньчж. *χorongo ~ χorongu* ‘сильный, могущественный, величественный, воинственный, храбрый; ядовитый’, *χorongo toose* ‘большая, страшная власть’ (*toose* ‘вес, тяжесть, власть, сила, полномочия’), *χoronge žase* название одной из пограничных областей (*žase* ‘граница, застава’), дериват с высокопродуктивным адъективным суффиксом *-ŋgV* от *χoron* ‘сила, величие, могущество, воинственность, храбрость; титул; яд’ (ТМС I: 416, Аврорин 2000: 119-121). Помимо этого, хорошо засвидетельствовано

специальное употребление *χороγго* в словосочетаниях, обозначающих жезл и знамя как символы власти: *χ. čėčikenge muqšan* ‘rotlackierter, an beiden Enden vergoldeter Stab des Eskortes; a pole with an image of the *χ. čėčike* attached to the end’, *χ. gurgunǰe kiru* ‘Banner der Eskorte, auf dem Tuche in der Seidenstickerei das Fabeltier P’i-sieh; a banner of the imperial escort with the image of the *χ. gurgu* embroidered on it’ (Hauer 1952: 458, Norman 1978: 136; транскрипция модифицирована) при *čėčike* ‘птичка’, *muqšan* ‘палка, дубина’, *gurgu* ‘зверь’, *kiru* ‘знамя’. Лишь незначительно выходя за рамки использованных словарей (с заметной в них тенденцией к замене точных переводов на энциклопедические толкования), можно признать, что слово *χороγго* ~ *χороγгу* фактически употребляется в значении ‘символизирующий власть, служащий знаком отличия, insignis’, откуда всего один шаг до обособления/субстантивации в значении ‘символ власти, знак отличия, insigne’ (в первую очередь – воинский значок, знамя, скипетр).

Следует отметить, что значения *χороγго* ~ *χороγгу* ‘ядовитый’ и *χорон* ‘яд’ представляют собой продукт лексикографической контаминации (в ТМС, как и в других маньчжурских словарях). В данном случае речь идет не о специфическом „значении“, а о заимствовании из монг. *qoor(a)* ‘яд; вред’, случайно совпавшим с исконным словом (см. Doerfer 1985: 81 и Rozyski 1994: 109 без смешения этих двух основ).

Принятие жуань-жуаньского и аварского источника рассматриваемых славянских и алтайских слов снимает целый ряд вопросов, порождаемых монгольской версией Менгеса, как фонетических (славянская *ī*-основа при *-a* в монгольском), так и семантических (хоругвь в значительно меньшей степени, нежели другие виды знамен, обладает свойством извиваться, струиться и крутиться на ветру; тем более лишен такого свойства скипетр).

Существенным аспектом данной этимологии оказывается констатация тунгусо-маньчжурского происхождения одного из элементов монгольской и тюркской культурной лексики. Как уже упоминалось, многие алтаисты склонны считаться только с противоположно направленным потоком заимствований. В действительности же *χороγго* / *ороγга* / *оруγи* принадлежит к той же серии жуань-жуаньских слов, получивших распространение в монгольских и/или тюркских языках, что и титулы *qayan*, *qatun*, *elteber* / *ilteber*, *irkin*, *tudun* (а этот факт признан достаточно широко, ср. Ligeti 1986, Кычанов 1997: 75-78 и др.), а словообразовательная структура *χороγго* однозначно указывает на раннеманьчжурский источник.

Befulci

В Хронике Фредегара (середина VII в.) упоминается, что венды (славяне) издавна используются „гуннами“ (аварами) как *befulci* – вспомогательное войско при ведении боевых действий (Pohl 1988: 114). Среди нескольких объяснений этого якобы аварского понятия доверия заслуживает, по-видимому, только франкская (германская) версия: *be-fulc-* = „Beivolk“ (побочный, дополнительный народ). Гораздо меньше оснований было бы видеть в *befulci* искаженное написание, например, тунгусо-

маньчжурского слова, соответствующего эвенк. *belēžerī* ‘помогающий, вспомогательный; помощник’, нан. *belečī* ‘помощь’ и под. (ТМС I: 124).

Canizauci

„*Canizauci princeps Avarum*“ (имя? титул?) упоминается в „*Annales regni Francorum*“ как представитель (посланник?) аваров в Аахене (811 г.); варианты написания: *Canzanci*, *cani zauci* (Ligeti 1986: 144-145, Pohl 1988: 304-305). Хотя предложенная Дьюлой Неметом (Németh 1930: 104) конъектура *Camzauci* = тюрк. *qat sau* ⚡ ‘шаман-посланник’, на которую я ссылался в ЯА 135-136, вряд ли оправдана, интерпретация второй части имени/титула как тюрк. *sav* ⚡ ‘вестник, посланник’ достаточно вероятна и может рассматриваться как одно из свидетельств тюркизации (булгаризации) остатков Аварского каганата. Во всяком случае, к вопросу о языке ранних аваров это позднее свидетельство отношения не имеет.

Iugurrus

Iugurrus (*iugurnus*, *iugurgus*, *vigerius*, *vigurnus*) упоминается вместе с каганом „гуннов“ (аваров) в ряде латиноязычных источников эпохи Карла Великого (Ligeti 1986: 146, Szádeczky-Kardos 1998). Это единственное указание на то, что в Аварском каганате могло существовать разделение верховной власти на сакральную и командно-управляющую (*Doppelkönigtum*), известное ряду тюркских государственным образований, а также древним венграм (*gyula* и *kende*), см. Pohl 1988: 293-300.

Принято отождествление данного титула с др.-тюрк. *juyrus* (*Qutadγu bilig*, Махмуд Кашгарский, см. ДТС 277), известным только в исламизированном государстве Караханидов (IX-XIII вв.) как обозначение высшего после кагана должностного лица, не принадлежащего к правящей династии и делегируемого „народом“. Сопоставление (только на уровне основы *iugur-* / *juyr-*: в соответствии с тюрк. -š в языке болгарского типа следовало бы ожидать -l или -lč-) достаточно убедительно, что, однако еще не доказывает тюркскую принадлежность слова, остающегося в тюркском этимологическом изолятом. Нельзя исключить, что оно, как и ряд других высших титулов, восходит к языку жуань-жуаней (впрочем, отсутствие фиксации в докараханидских тюркских памятниках ослабляет подобную версию); в таком случае можно было бы думать о тунгусо-маньчжурском источнике, близком эвенк. *žüyür-* (диал. *žüwür-*, *žüür-*) ‘направлять’, *žüyurtu-* ‘управлять, руководить’ (ТМС I: 269, 270), деривату от *žüy* ‘направление, путь, цель’, *žüyi*, *žüwi*, *žüi* ‘цель, дело’ (~ письм.-монг. *žüg* ‘направление, сторона’).

Другие титулы

Не хотелось бы загромождать этот доклад повторением – без сколь-нибудь значимых дополнений – неоднократно обсуждавшихся в литературе данных о титулах *qarqan* (*carpanus*, *cacanus*, *caganus* [!], *capanus*, *captanus*), *qatun* (супруга кагана), *tarqan*

(*tarcan*), *tudun*, *župan* (в связи с последним см. ТМО 49). Все они засвидетельствованы только в позднеаварский период и преимущественно во франкских источниках; большинство из них известно также в связи с Дунайской Болгарией и другими тюркскими государственными образованиями; ни один из них, тем не менее, не имеет надежной внутритюркской этимологии и не может быть безоговорочно признан исконным; некоторые из титулов (*qatun*, *tudun*) восходят, по-видимому, к языку жуань-жуаней (см. выше), что делает поиск тунгусоманьчжурских связей и объяснений не лишенным перспективы.

Маргиналии к предшествующим публикациям

ΔΥΓΕΤΟΠΙ – ΑΝΑΠΑΥΣΟΝ

В ТМО 48 слово ΔΥΓΕΤΟΠΙ из надписи Буйлы проинтерпретировано как тунгусо-маньчжурское *dügetügi* (*dügetüji*, *düjetüji*; -ī) ‘сменя(ет), замеща(ет)’.

Как известно, два других блюда из того же золотого клада (№№ 9 и 10) имеют одну и ту же надпись также греческими буквами, но, по-видимому, на греческом языке. „По-видимому“ относится к тому обстоятельству, что предложенные до сих пор прочтения этой надписи варьируются (в переводе на немецкий язык, цит. по László – Rácz 1983: 176-177) от „Vom Wasser gewaschen bist du aller Sünden ledig geworden“ до „Deodatus. Gib ihm die (ewige) Ruhe in der Welt der Lebenden, o Christus. Maliton“...

Особенности начертания надписи (в отдельных ее местах буквы искажены, резко уменьшены в размерах и явно следуют не слева направо по кругу, а друг под или над другом) и отсутствие словоразделов (имеющихся в надписи Буйлы), действительно, сильно затрудняют интерпретацию. Тем не менее, нетрудно выделить в составе надписи буквенную последовательность ΑΝΑΠΑΥΣΟΝ (=ΑΝΑΠΑΥΣΟΝ), которая интерпретируется как *ἀναπαύσον*, прич. буд. вр. ср. р. к *ἀναπαύω* ‘заставить прекратить, отрешить от должности, уволить’ (или, возможно, как какая-то иная форма данного глагола). Если такое вычленение оправдано, то можно усмотреть определенную смысловую близость между ΔΥΓΕΤΟΠΙ в аварском и ΑΝΑΠΑΥΣΟΝ в греческом тексте (хотя, с другой стороны, имена *Буйла*, *Бутаул* и титул *жупан* в греческом тексте явно не представлены).

Rou-ran

В ЯА 137 я указал на возможность сопоставления этнонимов *жу-жань* (*Jou-jan*, *Rou-ran*, [★Piəu-★Piän]), ранней формы названия жуань-жуаней, и *чжурчжэнь* (ϕ[▲]-*si* ●ⁿ, маньчж. *žur*ϕ^{en}), сознавая, однако, что фонетическая интерпретация инициалей соответствующих древнекитайских иероглифов как сонантов – если она верна – создает почти непреодолимые препятствия для такого отождествления.

В. В. Напольских (Ижевск, личное сообщение) предлагает, следуя Э. Г. Паллиблэнку и несколько упрощая его транскрипцию, для *жу-жань* раннесреднекитайское (IV-VI вв. н.э.) чтение **juw *ʃian*: в такой интерпретации данный этноним оказывается сопоставим, по его мнению, с самоназванием нанайцев и ряда близких им тунгусо-маньчжурских народов Приамурья (орочей, ульчей, ороков) – *nānñu, nāñu, nāñī, nāñaj*, образованных от *nā* ‘земля, местность’ (см. ТМС I: 572-573).

Olbrzum

Следуя традиции (Brückner 1927: 348, ЭСРЯ III: 107), я упомянул в ЯА 142 (сн. б) пол. *olbrzum* (ст.-пол. *obrzym*) ‘великан, исполин’ как продолжение слав. **ǫb *r-* (наряду с чеш. *obr*, словц. *obor* id.). Новый – и далеко не во всем удачный – польский этимологический словарь А. Баньковского справедливо указывает на фонетическую нереальность развития *-lbrz-* из *-brz-* и *-m* из *-n* (*olbrzum* < *Obrzym), хотя альтернативная версия нового словаря с постулированием исходного *orbrzym выглядит еще более сомнительной, см. Wańkowski 2000: 352-353 (благодарю М. Стаховского, Краков за указание на данную этимологию и комментарии к ней).

Сомнения по поводу прямого отождествления с *об(ъ)рин(ъ)*, по-видимому, вполне оправданы. Наиболее вероятным источником пол. *olbrzum* является армяно-кыпчакский язык (язык „польских армян“), где засвидетельствовано *olbrim: aznawur-olbrim* ‘герой, гигант’ (цит. по Ахметьянов 1981: 19), сложение арм. (< перс.) *aznawur* ‘рыцарь’ с др.-кыпч. *olpar-ym / *olper-im, тюрк. *alp-ar-ym / *alp-er-im ‘мой герой, мой богатырь’ – ср. тат., башк., каз., кум. *alpar, alper* < **al(y)p är* ‘герой-муж’, откуда и др.-рус. (СПИ) *olnber-, olbr-*, а также название кыпчакского племени XII в. *Alperli* (Ахметьянов 1981: 18, Менгес 1979: 122-123). Нельзя, однако, исключить возможность контаминации армяно-кыпчакского заимствования *olbrzum* с исконным – хотя и не засвидетельствованным – *obrzym ‘обрин, авар, великан’, продуктом которого явилась ст.-пол. форма *obrzym* (фактически обе формы зафиксированы впервые почти одновременно, в XVI в.: *obrzym* в позднем списке Флорианской псалтыри и *olbrzum* у Яна Кохановского).

***

Завершая эту серию этимологических набросков, я хотел бы подчеркнуть, что больше, чем когда-либо раньше, убежден, что потенциал использования данных тунгусо-маньчжуроведения в решении лингвистических аспектов аварской проблемы – и ряда связанных с ней проблем япохи великого переселения народов – далеко еще не исчерпаны.

Литература

(в дополнение к работам, цитированным в ТМО и ЯА – см. соответствующие списки)

- Аврорин, В. А. 2000. *Грамматика маньчжурского письменного языка*. Санкт-Петербург.
- Ахметьянов, Р. Г. 1989. *Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья*. Москва.
- Bańkowski, Andrzej 2000. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Tom 2. Warszawa.
- Brückner, Aleksander 1927. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków (Przedruk: Warszawa 1985).
- Futaky, István 2001. *Nyelvtörténeti vizsgálatok a Kárpát-medencei avar–magyar kapcsolatok kérdéséhez*. Budapest.
- Galton, Herbert 1997. *Der Einfluß des Altaischen auf die Entstehung des Slavischen*. Wiesbaden.
- Hauer, Erich 1952. *Handwörterbuch der Mandschusprache*. I-III. Tokyo – Hamburg – Wiesbaden.
- Haussig, Hans Wilhelm 1953-1954. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker. – *Byzantion* 23: 275-462.
- Хелимский, Е. А. 2000. *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. Москва.
- Кычанов, Е. И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. Москва.
- Maenchen-Helfen, Otto J. 1997. *Die Welt der Hunnen: Herkunft, Geschichte, Religion, Gesellschaft, Kriegführung, Kunst, Sprache* / Deutschsprachige Ausgabe besorgt von Robert Göbl. Wiesbaden.
- Norman, Jerry 1978. *A Concise Manchu-English Lexicon*. Seattle – London.
- Parzymies, Anna 1994. *Język protobułgarski: Przyczynek do rekonstrukcji na podstawie porównań turecko-słowiańskich*. Warszawa.
- Pritsak, Omeljan 1955. *Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren*. Wiesbaden.
- Rozycki, William 1994. *Mongol Elements in Manchu*. Bloomington, Indiana.
- Stadnik, Elena 2002. *Die Palatalisierung in den Sprachen Europas und Asiens: Eine areal-typologische Untersuchung*. Tübingen.
- СтСлСл = *Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)* / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой). Москва 1994.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1-. Москва 1974-.

ЧАСТЬ 2: = (2.170.) **On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla inscription from Nagy-Szentmiklós.** – In: *Studia Etymologica Cracoviensia* 5. Kraków, 2000, 43-56.

ЧАСТЬ 3: = (2.175.) **Язык(и) аваров: тунгусо-маньчжурский аспект.** – In: *Folia Orientalia* 36 (*Studia in Honorem Stanislai Stachowski Dicata*). Kraków 2000, 135-148.